

UDK: 159.922.7:316.72

Aziza TURAKULOVA,
O'zbekiston Milliy universiteti dots.v.b., PhD
E-mail: a.turakulova@nuu.uz

O'zMU professori, ps.f.d. D.Muxamedova taqrizi asosida

EMPIRICAL ANALYSIS OF CULTURAL ORIENTATIONS OF YOUTH IN UZBEKISTAN

Annotation

This article presents the results of an empirical study of cultural orientations and values among student youth in Uzbekistan. Based on a survey of 60 respondents (predominantly aged 19–22, 75% ethnic Uzbeks), the manifestations of collectivism, power distance, uncertainty avoidance, family values, and ethnic identity are analyzed. The results confirm a high level of collectivism (85% show a strong family orientation), respect for elders (90%), traditional values (88%), and the central role of the family in the lives of respondents (88%). At the same time, tendencies toward more egalitarian attitudes are identified among educated urban youth. The study contributes to the understanding of the dynamics of cultural values under conditions of modernization and provides practical recommendations for education, organizations, and intercultural communication.

Keywords: empirical study, cultural orientations, collectivism, youth, Uzbekistan, family values, ethnic identity.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЁЖИ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация

Данная статья представляет результаты эмпирического исследования культурных ориентаций и ценностей студенческой молодёжи в Узбекистане. На основе опроса 60 респондентов (преимущественно возраст 19-22 года, 75% узбеки) анализируются проявления коллективизма, дистанции власти, избегания неопределённости, семейных ценностей и этнической идентичности. Результаты подтверждают высокую степень коллективизма (85% выраженная семейная ориентация), уважения к старшим (90%), традиционных ценностей (88%) и центральность семьи в жизни респондентов (88%). Вместе с тем выявлены тенденции к более эгалитарным установкам среди образованной городской молодёжи. Исследование вносит вклад в понимание динамики культурных ценностей в условиях модернизации и предоставляет практические рекомендации для образования, организаций и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: эмпирическое исследование, культурные ориентации, коллективизм, молодёжь, Узбекистан, семейные ценности, этническая идентичность.

ЎЗБЕКИСТОНДАГИ YOSHLARNING MADANIY QARASHLARINI EMPIRIK TAHLILI

Annotatsiya

Mazkur maqolada O'zbekistondagi talaba yoshlarning madaniy yo'nalishlari va qadriyatlarini o'rganishga bag'ishlangan empirik tadqiqot natijalari keltirilgan. Asosan 19 - 22 yoshdagi 60 nafar respondent (75% o'zbeklar) o'rtasida o'tkazilgan so'rovnoma asosida kollektivizm, hokimiyat masofasi, noaniqlikdan qochish, oilaviy qadriyatlar hamda etnik identifikatsiya ko'rsatkichlari tahlil qilindi. Tadqiqot natijalari kollektivizmning yuqori darajasi (85% - kuchli oilaviy yo'nalish), kattalarga hurmat (90%), an'anaviy qadriyatlarining ustuvorligi (88%) va oilaning respondentlar hayotidagi markaziy o'rni (88%) mavjudligini tasdiqladi. Shu bilan birga, ma'lumotli shahar yoshlari orasida yanada egalitar qarashlarga moyillik tendensiyalari aniqlandi. Tadqiqot modernizatsiya sharoitida madaniy qadriyatlar dinamikasini tushunishga hissa qo'shadi hamda ta'lim, tashkilotlar va madaniyatlararo muloqot uchun amaliy tavsiyalar beradi.

Kalit so'zlar: empirik tadqiqot, madaniy yo'nalishlar, kollektivizm, yoshlar, O'zbekiston, oilaviy qadriyatlar, etnik identiklik.

Введение. Культурные ценности и ориентации молодого поколения представляют особый исследовательский интерес, поскольку молодёжь выступает индикатором культурных изменений и трансформаций. В контексте Центральной Азии, где традиционные ценности сталкиваются с процессами глобализации и модернизации, изучение культурных установок студенческой молодёжи приобретает особую актуальность.

Настоящее исследование основывается на теоретической модели Хофстеде (Hofstede et al., 2010) и концепции этнопсихологии (Stefanenko, 2014), рассмотренных в первой части данной работы. Цель эмпирического исследования - количественная оценка культурных измерений и ценностных ориентаций студенческой молодёжи, а также выявление

специфических паттернов, характерных для молодого образованного поколения в условиях транзитного общества.

Литературный обзор. Изучение культурных ориентаций (коллективизм/индивидуализм, дистанция власти, избегание неопределённости, семейные ценности, этническая идентичность, языковая компетенция) критично для понимания процессов социализации, психического благополучия и адаптации молодёжи в условиях быстрой модернизации и постсоветской трансформации. Это исследовательское поле связывает культурно-психологические теории с прикладными задачами образования, управления и психологической помощи.

Классические концепции культурных ценностных ориентаций - Kluckhohn & Strodtbeck (1961) - предлагают

модель, через которую можно анализировать ответы культур на базовые ценностные вопросы (время, природа, отношения между людьми и т.д.). Эта рамка полезна при сопоставлении ориентаций «ориентация на прошлое ↔ ориентация на становление» и т.д. (использована и в эмпирических исследованиях ценностных профилей). Hofstede-подход и его расширения служат удобным инструментом для количественного позиционирования общества по измерениям: дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, избегание неопределённости и др. Исследования, применяющие методики Hofstede к регионам Центральной Азии и Узбекистану, показывают высокие значения по дистанции власти и коллективизму и умеренно-высокое избегание неопределённости, что коррелирует с локальными этнографическими наблюдениями.

Исследования, анализирующие студенческие выборки и школьные сайты, выявляют устойчивые культурные паттерны (высокая дистанция власти, коллективизм) в Узбекистане (Gygi & Spyridakis, 2007; региональные исследования на основе Hofstede). При этом отдельные региональные и генерационные сдвиги демонстрируют большую гибкость среди городской и образованной молодёжи (например, более эгалитарные ожидания в семейной жизни).

Литература подчёркивает необходимость смешанных методов: количественные шкалы (индексы коллективизма/индивидуализма, дистанции власти, избегания неопределённости, шкалы этнической идентичности) должны комбинироваться с качественными интервью и контент-анализом, чтобы зафиксировать культурные смыслы и практики (напр., семейные ритуалы, гостеприимство, язык повседневного общения). Многие локальные статьи применяют именно такой микс-подход.

Методология исследования. В исследовании приняли участие 60 респондентов в возрасте 19-22 лет, проживающих в городе (Ташкент, Бухара, Самарканд). По критерию этнического состава: 75% респондентов представляют узбеки, тогда как 25% - смешанная идентичность или другая этническая принадлежность, из общего числа респондентов – 70% являются представителями женского пола, а 30% - мужчины. По параметрам языковой компетенции: 67% носители узбекского языка, 92% билингвы (узбекский-русский). Опрос проводился в онлайн-формате с использованием структурированного вопросника, включающего закрытые вопросы с использованием шкалы Лайкерта и открытые вопросы для качественного анализа.

Вопросник включал блоки, направленные на измерение нескольких параметров, в числе которых: 1. Коллективизма и семейной ориентации; 2. Дистанции власти и отношения к иерархии; 3. Избегания неопределённости и отношения к традициям; 4. Семейных ценностей и структур; 5. Этнической идентичности и языковой компетенции; 6. Ценностных ориентаций по модели Клякхона-Стродтбека.

Анализ и результаты. На основе проведенного исследования, можно предложить анализ и обсуждение результатов по категориям, указанных в методологии исследования.

Результаты исследования убедительно подтверждают высокий уровень коллективистской ориентации у респондентов. Большинство участников (85%) демонстрируют выраженную ориентацию на семью как центральную референтную группу, что свидетельствует о сохранении традиционной модели социальной идентификации, в которой именно семья

выступает основным источником поддержки, принадлежности и социального контроля.

Значительная часть респондентов (78%) отметили, что групповая гармония для них важнее индивидуальных интересов, что указывает на приоритет поддержания стабильных межличностных отношений, согласия и избегания открытых конфликтов. Это подтверждает доминирование культурных норм, ориентированных на кооперацию, взаимозависимость и ответственность перед группой. Кроме того, 82% опрошенных заявили, что приоритет отдают семейным решениям над индивидуальными, что свидетельствует о высокой степени зависимости личного выбора от коллективного мнения семьи. Данный показатель отражает укоренённость традиционной модели совместного принятия решений, в которой автономия личности ограничена социальными обязательствами перед родственниками. Полученные данные согласуются с теоретическими моделями коллективистских культур и результатами предшествующих исследований узбекского общества (Gygi & Spyridakis, 2007). На поведенческом уровне коллективизм проявляется в таких повседневных практиках, как участие семьи в выборе профессии и брачного партнёра, совместное проведение досуга, взаимная материальная и эмоциональная поддержка, а также высокая степень ответственности за благополучие других членов семьи.

Показатели дистанции власти демонстрируют устойчивую ориентацию респондентов на иерархическую модель социальных отношений. Наиболее выраженным показателем является уважение к старшим: 90% респондентов указали, что считают безусловное уважение к возрасту и старшинству важнейшей социальной нормой. Это отражает глубоко укоренённый культурный код, в котором возраст ассоциируется с авторитетом, жизненной мудростью и правом на руководство. 72% респондентов сообщили, что принимают иерархическую организацию общества как естественную, а 68% признали свою готовность к подчинению авторитету. Эти данные указывают на то, что вертикальные социальные структуры воспринимаются не как форма давления, а как легитимный и функциональный порядок, обеспечивающий социальную стабильность.

Семья сохраняет центральное место в системе ценностей респондентов. Абсолютное большинство участников (88%) определяют семью как наиболее важный социальный институт в своей жизни. Также 82% опрошенных сообщают, что активно вовлекают членов семьи в принятие ключевых жизненных решений, включая вопросы образования, карьеры, брака и места проживания. Отмечается также высокая распространённость многопоколенных домохозяйств, что подтверждает устойчивость традиционной формы семейной организации, основанной на совместном проживании представителей нескольких поколений и взаимной ответственности за благополучие семьи. Качественный анализ открытых ответов выявил, что респонденты воспринимают семью прежде всего как: источник эмоциональной и материальной поддержки; основу личной и социальной идентичности; пространство психологической безопасности и стабильности.

Этническая идентичность остаётся значимым компонентом самоопределения для большинства участников исследования. 82% респондентов указали, что идентифицируют себя прежде всего с собственной этнической группой, что свидетельствует о высокой значимости этнической принадлежности в структуре

социальной идентичности. 78% участников подчеркнули, что родной язык является ключевым элементом их этнической идентичности, что подтверждает тесную связь между языком и культурным самосознанием. Язык воспринимается не только как средство коммуникации, но и как символ этнической принадлежности, традиций и исторической памяти. Качественные данные показали сложность и многомерность идентичности у представителей смешанных семей.

Анализ ценностных ориентаций по модели Клаксона–Стродтбека выявил сложную, гибридную структуру ценностей, в которой сочетаются традиционные и модернистские ориентации: 45% респондентов ориентированы на прошлое, что отражает приверженность традициям, обычаям и историческому опыту. 50% демонстрируют ориентацию на гармонию с природой, что указывает на стремление к балансу между человеком и окружающей средой, а также на символическое значение природных и жизненных циклов. 48% придерживаются коллатеральных отношений, предполагающих групповую ответственность, взаимозависимость и коллективное принятие решений. 55% ориентированы на становление (being-in-becoming), что отражает стремление к личностному росту, развитию и самосовершенствованию. Данное сочетание указывает на транзитный характер ценностной структуры узбекской молодежи: с одной стороны, сохраняется высокая значимость традиционных коллективистских установок, с другой — усиливается ориентация на индивидуальное развитие, обучение и самореализацию. Это свидетельствует о формировании культурно-психологического синтеза традиции и современности.

Выборка, состоящая преимущественно из городских жителей (97%), отражает специфику городской культурной среды. Город является пространством, где традиционные и современные элементы культуры сосуществуют и взаимодействуют. Городская молодежь имеет доступ к глобальным культурным потокам через образование, интернет и медиа, что способствует

формированию гибридной культурной идентичности. Сельско-городская дихотомия остаётся важным фактором культурной вариативности в Узбекистане. Необходимы дальнейшие исследования для сравнительного анализа культурных ориентаций городской и сельской молодёжи.

Полученные в ходе исследования данные подтверждают значимую роль семейных ценностей и коллективистских установок в формировании мотива аффилиации у узбекской студенческой молодёжи. Выявленные этнопсихологические особенности имеют важные практические последствия для таких сфер, как образование, организационное управление, психологическая помощь и межкультурная коммуникация.

Заключение и рекомендации. Эмпирическое исследование подтвердило теоретические предположения о высоком коллективизме, выраженной дистанции власти и центральности семьи в культурных ориентациях студенческой молодёжи Узбекистана. Количественные данные валидизировали культурные измерения, выявленные в теоретическом анализе.

Исследование вносит вклад в понимание культурной динамики в Центральной Азии и предоставляет эмпирическую базу для разработки культурно-чувствительных подходов в образовании, управлении и психологической помощи. Интеграция теоретической модели Хофстеде, этнопсихологического подхода Стефаненко и эмпирических данных позволила получить многомерное понимание культурных особенностей узбекского общества.

Дальнейшие исследования должны расширить выборку на сельские регионы, включить различные возрастные группы, применить лонгитюдный дизайн для отслеживания культурных изменений во времени и использовать смешанные методы для более глубокого понимания культурных феноменов. Также необходимы сравнительные исследования с другими центральноазиатскими странами для выявления региональных особенностей и общих паттернов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gygi, K., & Spyridakis, J. H. (2007). Understanding Uzbek culture: A survey of instructional designers in Uzbekistan. *IEEE Transactions on Professional Communication*, 50(3), 238-251.
2. Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and organizations: Software of the mind* (3rd ed.). McGraw-Hill.
3. Kluckhohn, F. R., & Strodtbeck, F. L. (1961). *Variations in value orientations*. Row, Peterson.
4. Oyserman, D., Coon, H. M., & Kemmelmeier, M. (2002). Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 128(1), 3-72.
5. Stefanenko, T. G. (2014). *Ethnopsychology: Textbook* (5th ed.). Aspect Press.
6. Triandis, H. C. (1995). *Individualism and collectivism*. Westview Press.